

Тайна одиноких

На конкурс «Проба пера-2006»

**Наталья
КАРПИЧЕВА**

Выпускница филологического факультета МГУ, ныне аспирантка. Свое первое прозаическое произведение – рассказ «Курявое облако» – опубликовала в «Маяковском металле». Ее поэтическое творчество широко представлено во всех СМИ города. Ей 23 года, она самая молодая член Союза российских писателей в городе. Участница литературного объединения МГУ, лауреат конкурса имени Н. Нефедьева 2003 года в номинации «Поэзия». Автор двух поэтических сборников – «Разговор с рассветом», выпущенного ОАО «ММК», и «Зима понарошку», изданного в университете. Предлагаемые вниманию читателей рассказы – из будущей книги прозы, над которой работает автор.



Страсти по выжатому лимону, или Подслуханные письма

Письмо первое

Пишу это послание и бросаю его на ветер, чтобы хоть кто-нибудь услышал мой стон, крик, вопль...

...Промылаюсь в один из дней-клонов, целиком и полностью повторяющих друг друга. И снова задаю вопрос Шамлета, который перенесся в настоящее время, поскольку укоренилась уже привычка избегать такой глагольной категории, как будущее время, – вопрос, ставший уже риторическим: «Я есть или меня нет?»...

...и каждый раз смотрю в зеркало на одну и ту же рожу – не знаю, как еще назвать это донельзя окаркаатуренное лицо...

...было немало женщин. И я уходил от них, или они уходили от меня. Но когда ушла Она. Земля развернулась и стала крутиться в другую сторону с бешеной скоростью. Все стало по-другому. Я стал неудачником и занудой. Исчезли многочисленные «друзья», а потом не стало и единственного Друга. А я все еще жив. Только календари, радио, телевидение, газеты и другие источники говорят, что прошло уже...

Письмо второе

Ах, mille pardon, monsieur! Я не знаю, как Вас величать, поскольку подпись Ваша не сохранилась. Ваше письмо попало ко мне в ужасном состоянии. Дело в том, что Вы бросили его не просто на ветер, но еще и на дождь, поэтому многие строки размыло так, что их просто невозможно прочесть. Но Вы, видимо, тоже посвящены в «Великую Тайну Одиноких». И кто же виноват, что именно в «Ночь Писем» был дождь?

Хочу Вам сказать, что я тоже привык мыслить с помощью риторических вопросов. И вот вам один из них, ответ на который Вы знаете по меньшей мере так же хорошо, как я.

Вы знаете, что чувствует выжатый лимон? Что он чувствует, когда из него по капле выжимают чистый, свежий, прозрачный, насыщенный витамином С сок? Вы скажете, он кислый? Может быть, Вы и правы. Тогда почему по утрам Вы пьете чай непременно с лимоном? Почему не с апельсином? Он ведь сладкий. Почему Вы предпочитаете свежий лимон псевдодлимону в виде порошкообразной лимонной кислоты? Да, сегодня лимон был особенно кислый. Вы правы – он еще незрелый. Молодость, знаете ли. Но кто-то мудрый сказал: «Молодость – это недостаток, который проходит с годами». А зачем ему ждать старости и мудрости? А если он даже до зрелости не доживет? Вы ведь сами знаете, как это сейчас бывает. Вдруг налетит ураган или смерч, или ливень, или град? Или все это вместе? Или кто-то очень сильно потрясет лимонное дерево? Ведь тогда лимон упадет и разобьется, и его сок вовсе пропадет даром. Ах, monsieur, Вы ведь знаете, как страшно теперь жить.

Друзья?.. В ту пору, когда рос я на лимонном дереве, было вокруг меня много лимонов. Но настоящая и единственная крепкая дружба была с одним грибом. Мы с ним познакомились в магазинном отделе «Фрукты и овощи». Он был Подосиновиком, выросшим под бере-

зой. Когда поднимался ветер, он дрожал, а береза – нет, и поэтому больше всего в жизни он ценил понимание. И мы понимали друг друга: ведь у нас было одно чувство – страх разлуки. Каждый раз, когда продавщица в белом фартучке приближалась к грибам или лимонам, мы молились своим грибным и лимонным богам, чтобы только в этот раз кого-нибудь из нас забрали. И однажды его унесли. Это случилось так внезапно, что я не успел позвать его ножку и обнять его шляпку...

Женщины?.. В ту пору, когда рос я на лимонном дереве, прилетала ко мне птичка Мандариновка. Заметьте, не к мандарину какому-нибудь, а ко мне. Она была прекрасна. Она цела мне песенку о небе. Она говорила: «Нельзя прикоснуться к небу и не опалить крыльев солнечным или лунным пламенем...» И она прилетала ко мне с ожогами крыльев разной степени, а я лечил их, смазывая своим соком. Вылечившись, она снова улетала. Но однажды ее поймали и заточили в клетку, и она разбилась о крепкие железные прутья, пытаясь снова увидеть небо...

Но что-то я совсем упел в лирику. О чем мы? Ах, да! Знаете ли Вы, что чувствует выжатый лимон? Так вот, знаете ли, опустошенность. И это страшно. Ой как страшно! Но есть нечто еще более страшное. Страшнее опустошенности – пустота. Ибо когда ты опустошен, у тебя еще есть надежда наполниться, а если этого не случится, у тебя хотя бы останутся воспоминания. И в долгие-долгие – более долгие, чем полярные, – ночи ты будешь жить памятью о том, что тебя когда-то наполняло. У тебя будет хотя бы прошлое. А пустота – вечна и незлыбима. Она повсюду. В настоящем – пустота, в прошлом – пустота, в будущем – пустота и только пустота.

Знаете ли Вы что-нибудь страшнее этого? Даже эхо никогда не долетит до Вас, ведь эхо – это отраженный звук, а в вечной пустоте эхо отразится не от чего. Вы помните: кто-то сказал еще одну мудрую фразу, но фраза эта повела себя совершенно странно. Она посмотрела на себя в зеркало – отразилась – и запомнила себя вот так: «Пусто место свято не бывает».

А у меня есть воспоминания. И даже когда я стану сухой лимонной коркой, я буду вспоминать свои лимонные слезы, сползавшие по моим лимонно-желтым щекам. И я буду счастлив. Поверьте мне, monsieur, я буду счастлив, насколько это возможно.

Подпись: Лимон Лимонович Выжатый
P. S. Однажды ночью, сдавшись очередной бессоннице, я подслушала в разговоре ветра и водосточной трубы «Великую Тайну Одиноких». Ветер шептал трубе, что есть раз в году одна такая ночь – «Ночь Писем». Одинокие и отчаявшиеся люди в эту ночь пишут письма и бросают их на ветер, встав лицом к нему, чтобы не видеть, куда улетают послания. А ветер заботится о том, чтобы письмо попало к родственной душе. И ровно через год, в «Ночь Писем» адресанты получают ответ от неизвестных, но таких близких и родных адресатов. Они меняются ролями.

Открою великий секрет, за что меня навсеражя исключат из «Клуба Одиноких», так как эту тайну могут узнать только те, кто набрал «Прходной Балл Оччаяния». Но все равно я

открою вам эту тайну, потеряв возможность воспользоваться ею самой, из чего вы можете судить, как я дорожу участием в вышеупомянутом «Клубе Одиноких». Эта ночь бывает в постпоследний день лета – тридцать второго августа.

В поезде

Призрачный поезд. Ночь. Герой. Геронья. Герой – седовласый знаток женщин со следами бывшего донжуанства в движениях и суждениях. А героине можно дать имя Икс. И может быть Икс – это я.

– Я так давно его не видела... наяву. И так устала видеть его там – идущего в призрачном свете луны и зовущего на помощь самую черную ночь, а не меня. А когда я хочу прочувствовать его и забираюсь на облака, чтобы сбросить оттуда сердце, а потом сказать ему: «Смотри, оно разбилось. Ты его разбил», он бросается вниз, ловит его у самой земли, греет в ладонях... и возвращает со словами: «Это, кажется, Вы уронили?» И я падаю с облаков, а он протягивает руку и говорит: «Позвольте Вам помочь?» А когда я говорю: «Не позволю», отвечает: «Тогда я сам себе позволю». И вообще он слишком много себе позволяет, – говорит Икс.
– Мужчина позволяет себе ровно столько, сколько позволяет ему женщина, – скажет эксперт-феминолог. И будет прав.

– Так больше не может продолжаться, и именно поэтому – будет продолжаться до бесконечности. Ведь бесконечность – хоть какая-то определенность, – говорит седовласый знаток женщин и продолжает. – Мир сходит с ума. И когда это случится окончательно и бесспорно, что же будут делать безумцы, стоящие сейчас на грани? Да ничего страшного не произойдет. Просто грань передвинется. Те, кто ходил на головах, пойдут задом наперед или, того хуже, встанут на ноги, но в их сути ничего не изменится: при виде их все будет уже не спешительно улыбаться, а горько рыдать и крутить пальцем у виска в другую сторону... Но снова против часовой стрелки.

Я боюсь даже представить, что же будет с ним самим. И еще боюсь, что однажды не помогут мои таблички, приклеенные к дверям, вроде «Выходя, не забудь вернуться!» Боюсь однажды увидеть его на другой стороне улицы в те моменты, когда почти все вдруг зрительно отдалаются на несколько метров и лишь редкие незнакомцы и еще более редкие знакомые остаются «на своем месте». И когда этот призрачный мир рядом с ним становится без него миром призраков, наверное, тоже боюсь – ведь положено же бояться привидений.

– Не нужно бояться привидений. Я никогда не слышал, чтобы призраки с самого Сотворения мира сделали столько зла, сколько делает один живой человек за один день, – сказал некто А. Дюма устами своего героя графа Монте-Кристо, и, наверное, тоже был в своем роде экспертом, ведь он оказался прав. – Любовь женщины заканчивается там, где исчезает возможность понять, угадать, предсказать... и тут начинается любовь мужчины...

Они обернутся на мужок. «Подслушавала!» – мелькнет в глазах Икс неприязненно, почти презрительно. Но эту – тоже, увы, типичную – женщину, которую мы назовем Игрек, наверное, стоит понять; и для этого даже не надо угадывать источник ее горького опыта. Ее оправдывает уже то, что она права.

...И вдруг эта Игрек сорвется с места, встанет на колени перед Икс, сожмет ее холодные руки ледяными:

– Умоляю, затанте обиду, ненависть! Сделайте все, чтобы не простить его никогда! Ради всего, что Вам дорого, не прощайте! Ведь Вам что-нибудь еще дорого?!

– Да. Он.
– Неужели же Вы его простите?
– Может быть.
– Если женщина говорит «может быть», это означает «да», – скажет герой. И, может быть, будет неправ.



И. может быть, Она повздает Ему что-то еще, а быль может, и нет.

А пока ночь покинет небо, а герой – поезд. Они медленно отправятся к трамвайной остановке, и герой спросит героиню:

– Вы какой трамвай ждете?
– К нему... или от него. Какой придет первым, на том и НЕ поеду, – скажут губы Икс, не найдя поддержки голоса.

– Фантастический пример женской логики! – воскликнет седовласый знаток женщин со следами бывшего донжуанства в движениях и суждениях.

А финал этой истории останется в руках Всемогущей Судьбы, посылающей громы и молнии, разлуки и встречи, благословения и проклятия, поезда и трамваи.

Его тень

Лезвие месяца пронзило тучу, медно блеснуло и снова исчезло. Виктор Петрович любил такие ночи, когда новая луна разрезает тучу, будто пирог, источающий аромат свежесозревшего дождя. Но именно сегодня Виктору Петровичу стало не по себе: у него появилась вторая тень. Он заметил это утром и не пошел на работу: вдруг не только он, но еще кто-нибудь обратит внимание на сей странный факт. Целый день сидел в комнате, прячась от жены. Надо переждать, завтра может быть все опять придет в норму.

Но не тут-то было. Вторая тень погнала Виктора Петровича из уютного насиженного гнездышка в ночь, но на этот раз не просто бродить по улицам. Его словно кто-то вел за руку по детской дорожке к детскому саду. Воспоминания не терзали того, кто уже давно был истерзан.

Вторая тень была его братом-близнецом, таинственно пропавшим в их семнадцатый день рождения, а точнее, в ночь рождения. Точно такую же, с ароматом свежесозревшего дождя. Тогда два брата после выпускного школьного бала отстали от компании и остановились здесь. Между ними, держа обоих за руки, стояла она. Остановка была неслучайной: юноши погребовали, чтобы девушка выбрала наконец, кто же из них станет ее мужем.

– А по-моему здорово звучит: «Виктория и Виктор!» – вдруг весело сказала Вика.

– Ну что ж, желаю счастья победителям! – выкрикнул Сергей и бросился прочь. Вслед ударил гром и хлынул такой дождь, что за последние годы ничего не стало видно.

– Вернись, я люблю тебя! – прозвенел в ночи голос девушки, и длинные мокрые волосы убегающей хлестнули Виктора по щеке.

С тех пор он их не видел. Никто не видел. Никто их не нашел.

Дождь начался внезапно. Виктор Петрович явственно ощутил тепло руки на плече и обернулся. Брат был точно таким же, каким его он видел в последний раз. Почти старик вдруг захотелось отчитать этого мальчишку. Еще бы: где-то пропал без малого тридцать лет. Но почему-то вдруг вспомнилось, что этот юноша старше его на несколько часов.

– Ты один? А где же она? – просто спросил Сергей.

– А разве она тебя не нашла? Разве вы не встретились? – спросил в ответ почти старик.

– Это ты ее погубил!

– Нет, это ты во всем виноват!

Говорят, что близнецы мыслят одинаково, чувствуют одинаково. Им вдруг захотелось ударить друг друга. Движения рук были синхронны, но между ними вновь возникла Она и вновь держала их за руки...

Она тоже несколько не изменилась с тех пор. Поглалив старика по щеке, девушка отпустила его руку, повернулась к юноше. И Виктор Петрович долго заворожено смотрел вслед уходящим влюбленным и понимал, что если это сон, то он видит его в тысячный и последний раз.

Когда встало солнце и вобрало в себя следы дождя, два совершенно одинаковых мальчугана, сладко проспавших всю ночь и проснувшихся в эту минуту, высунули головы в сияющее окно и удивились необычайной свежести утра. Немного поспорив, они сошлись на том, что в их город вошла прекрасная и невидимая фея, и это ее дыхание врывается в дом. И теперь ничто не мешало им чувствовать себя двумя птицами, парящими над рекою города.

А река города куда-то спешила. Ее течение то и дело ломалось на перекрестках, ручейки самопроизвольно впадали друг в друга и выпалили, так что невозможно было понять, где исток, где русло и куда же стремится она – лабиринт без выхода, где все ручейки заблудились навечно. Никому не было дела до пожилого мужчины, почти старика в сером пальто, бесконечно идущего по кругу Главного Перекрестка. И только бродячий пес цвета пыли завыл и испуганно отшатнулся от этого человека. У него было две тени, и вторая тень, обращенная не в ту сторону, что у всех людей, шагала бодро – словно была много моложе своего обладателя.